

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилович,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский
институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ТЮРЕМНОЕ СООБЩЕСТВО КАК «КОЛЛЕКТИВНЫЙ НЕВРОЗ»: СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ И ПАТОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ В ЗАМКНУТЫХ ГРУППАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу тюремного сообщества как специфической социальной реальности, в которой формируются устойчивые паттерны психического реагирования и коммуникативные патологии, позволяющие рассматривать это сообщество в категориях «коллективного невроза». Опираясь на концепцию аномии Эмиля Дюркгейма, теорию коммуникативного действия Юргена Хабермаса и исследование авторитарной личности Теодора Адорно, автор исследует механизмы порождения социальной структурой мест лишения свободы особых форм защитного поведения и искаженных коммуникативных практик. Показано, что жесткая стратификация тюремного социума (деление на «масти» и касты) создает ситуацию перманентной нормативной неопределенности, при которой институциональные предписания вступают в конфликт с неформальными «понятиями». В этих условиях подлинное коммуникативное действие, направленное на взаимопонимание, становится невозможным, уступая место стратегическим манипуляциям и ритуализированным формам общения, закрепляющим невротические реакции на коллективном уровне.

Ключевые слова: аномия, тюремное сообщество, коммуникативное действие, авторитарная личность, социальная стратификация, деформация общения, коллективный невроз, пенитенциарная психология.

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU "Research Institute of the Federal Penitentiary Service"

PRISON COMMUNITY AS "COLLECTIVE NEUROSIS": SOCIAL ANOMIE AND PATHOLOGY OF COMMUNICATION IN CLOSED GROUPS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the prison community as a specific social reality, in which stable patterns of mental response and communicative pathologies are formed, allowing us to consider this community in the categories of "collective neurosis." Based on the concept of the anomie of Emil Durkheim, the theory of communicative action of Jürgen Habermas and the study of the authoritarian personality of Theodor Adorno, the author explores the mechanisms of generation by the social structure of places of deprivation of freedom of special forms of protective behavior and distorted communicative practices. It is shown that the rigid stratification of prison society (division into "suits" and castes) creates a situation of permanent regulatory uncertainty, in which institutional regulations conflict with informal "concepts." Under these conditions, a genuine communicative action aimed at mutual understanding becomes impossible, giving way to strategic manipulations and ritualized forms of communication that consolidate neurotic reactions at the collective level.

Key words: anomia, prison community, communicative action, authoritarian personality, social stratification, deformation of communication, collective neurosis, penitentiary psychology.

Введение. Тюремное сообщество представляет собой уникальный социальный организм, функционирующий на границе между официальным правопорядком и криминальной субкультурой, между формальными институтами наказания и неформальными законами «поня-

тий». Эта пограничная природа порождает феномены, которые с полным основанием могут быть описаны в терминах социальной патологии и коллективных психических защит. Наблюдая за жизнью замкнутых групп осужденных, исследователь сталкивается не просто с совокупностью индивидов, отбывающих наказание, но с особым типом социальности, воспроизводящим себя через механизмы, удивительно напоминающие невротические защиты в индивидуальной психике. Здесь уместно поставить вопрос: не является ли тюремное сообщество своего рода коллективным неврозом, где социальная структура выполняет функцию симптома, а коммуникация замещается ритуализированными действиями, лишенными подлинного интересубъективного содержания?

Для осмысления этой проблемы необходимо обратиться к концептуальному аппарату, разработанному классиками социологической и философской мысли. Эмиль Дюркгейм, вводя понятие аномии, описывал состояние общества, при котором старые нормы разрушены, а новые еще не сформировались, что порождает у индивидов чувство потерянности и деморализацию [1]. В тюремном сообществе аномия приобретает парадоксальный характер: здесь существует жесткая нормативная система «понятий», однако она находится в перманентном конфликте с официальным правом и, что важнее, сама внутренне противоречива. Как отмечает Роберт Мертон, развивая идеи Дюркгейма, аномия возникает как рассогласование между культурно предписываемыми целями и институционально одобряемыми средствами их достижения [2]. В тюрьме это рассогласование достигает предельных форм: цель выживания и сохранения идентичности требует от заключенного следования неформальным нормам, которые прямо противоположны официальным предписаниям, что создает невыносимое экзистенциальное напряжение.

Юрген Хабермас, разрабатывая теорию коммуникативного действия, показал, что подлинная социальная интеграция возможна лишь при условии ориентации участников взаимодействия на достижение взаимопонимания, а не на успех манипуляции [3]. Коммуникативное действие предполагает, что субъекты согласуют свои планы действия на основе общего определения ситуации, признавая значимость выдвигаемых притязаний. В тюремной среде эта возможность оказывается блокированной самой структурой социальных отношений, где любой речевой акт потенциально может быть использован как оружие, а искренность становится смертельно опасной роскошью.

Наконец, исследование авторитарной личности, проведенное Теодором Адорно с коллегами, выявило синдром, характеризующийся конвенционализмом, авторитарным раболепием, авторитарной агрессией, стереотипностью мышления и культом силы [4]. Эти черты, будучи описаны как предрасположенность к принятию антидемократической пропаганды, в тюремной среде выступают не как индивидуальная патология, а как норма адаптации, как необходимое условие выживания в условиях замкнутой группы с жесткой иерархией.

Стратификация как механизм совладания с аномией. Жесткое деление тюремного сообщества на касты, или «масти», представляет собой спонтанно возникающий ответ на ситуацию нормативного вакуума и экзистенциальной угрозы. В российской пенитенциарной традиции сложилась устойчивая иерархия, включающая «блатных» (элиту), «мужиков» (основную массу), «козлов» (сотрудничающих с администрацией) и «опущенных» (низшую касту) [5]. Эта стратификация, будучи предельно ригидной, выполняет функцию снижения неопределенности. Каждый вновь прибывший должен быть определен в ту или иную категорию, и от этого определения зависит весь спектр его возможных действий, прав и обязанностей.

Парадокс заключается в том, что тюремная иерархия, призванная преодолеть аномия, сама ее воспроизводит. Поскольку критерии принадлежности к той или иной страте часто размыты и могут быть пересмотрены «по понятиям», положение индивида остается неустойчивым. Исключение составляет лишь низшая каста, переход в которую практически необратим и маркирован стигмой, навсегда исключающей человека из сферы «нормальных» отношений. Как указывает С.Б. Пономарев, тюремное кастообразование может быть объяснено законами синергетики, где сложная диссипативная структура возникает спонтанно для самосохранения системы в условиях внешнего давления [6]. Однако эта структура, будучи однажды сформированной, начинает жить собственной жизнью, подчиняя себе индивидуальные стратегии поведения.

С позиции дюркгеймовского анализа, тюремная стратификация представляет собой патологическую форму солидарности. В нормально функционирующем обществе органическая солидарность основана на разделении труда и взаимной зависимости автономных индивидов. В тюрьме же мы наблюдаем механическую солидарность архаического типа, где коллективное сознание тотально доминирует над индивидуальным, но лишенное при этом сакрального основания, которое Дюркгейм считал необходимым

атрибутом любой устойчивой социальной интеграции. Здесь нет подлинной веры в общие ценности, но есть лишь вынужденное подчинение силе, закреплённое страхом перед санкциями.

Авторитарный синдром как коллективная защита. Анализируя типы личности, предрасположенные к принятию авторитарной идеологии, Адорно выделил несколько ключевых переменных, которые удивительно точно описывают психологический профиль «правильного» заключённого, интегрированного в тюремную иерархию. Конвенционализм проявляется в жесткой приверженности нормам субкультуры, которые воспринимаются как единственно возможные и не подлежащие критике. Авторитарное раболепие выражается в некритическом подчинении «ворам в законе», «смотрящим» и другим носителям неформальной власти. Авторитарная агрессия направлена на тех, кто нарушает неписаные правила или занимает более низкое положение в иерархии [4].

Особенно значимым для понимания тюремной психологии является феномен проективности, т.е. предрасположенности верить в мрачные и опасные процессы, происходящие в мире, приписывая другим собственным неосознаваемым импульсам. В замкнутом пространстве тюрьмы, где информация ограничена, а слухи распространяются мгновенно, проективные механизмы приобретают гипертрофированные формы. Любое действие администрации интерпретируется как провокация, любой новый заключённый подозревается в скрытых намерениях. Эта тотальная подозрительность, будучи индивидуальной защитой, на коллективном уровне формирует устойчивую паранойальную атмосферу, в которой подлинная коммуникация становится невозможной.

Анти-интрацепция, или неприятие всего субъективного, исполненного фантазии, чувственного также находит свое выражение в тюремной субкультуре. Эмоциональная экспрессивность, рефлексия, проявление слабости или нежности жестко табуируются. Мышление должно быть конкретным, стереотипным, опирающимся на жесткие категории «свой – чужой», «правильно – неправильно», «по понятиям – не по понятиям». Силовое мышление и культ силы закрепляют представление о мире как арене борьбы всех против всех, где единственным аргументом выступает способность к насилию или угроза его применения.

Важно подчеркнуть, что в тюремном контексте эти черты не являются индивидуальной патологией в строгом смысле слова. Они представляют собой адаптивный синдром, необходимый для выживания в специфических условиях. Заключённый, сохранивший способность к реф-

лексии, эмоциональной открытости и автономному моральному суждению, оказывается наиболее уязвимым. Авторитарный характер здесь выступает не как результат особого семейного воспитания (как это описывали авторы франкфуртской школы), а как прямое следствие социальной структуры, как форма психической защиты, навязанная самой организацией групповой жизни.

Патология коммуникации: от диалога к ритуалу. Юрген Хабермас различает четыре типа социального действия: телеологическое, норморегулируемое, драматургическое и коммуникативное. Последнее он считает фундаментальным для подлинной социальной интеграции, поскольку только в коммуникативном действии участники ориентированы на достижение согласия относительно определения ситуации и планов действия [3]. Коммуникативное действие предполагает, что субъекты признают друг друга как равноправных участников взаимодействия, способных выдвигать и оспаривать притязания на значимость.

В тюремном сообществе мы наблюдаем систематическое блокирование именно этого типа действия. Здесь доминируют стратегические действия, ориентированные на успех и манипуляцию, а также норморегулируемые действия, жестко детерминированные неписаными правилами. Драматургическое действие, направленное на самопрезентацию, также присутствует, но оно подчинено задачам демонстрации силы и соответствия статусу.

А.Н. Сухов, исследуя деформацию общения осуждённых, отмечает, что криминальное общение характеризуется повышенной стрессогенностью, конфликтностью, жесткой ролевой заданностью и конспиративностью [7]. Оно строится на основе взаимной договоренности ограниченного круга участников о системе кодирования, декодирования и технологии маскировки знаков, приобретающих только им понятный смысл. Эта эзотеричность коммуникации выполняет защитную функцию, но одновременно лишает общение его главного качества, а именно открытости интерсубъективному пониманию.

Тюремный жаргон, выступая средством групповой идентификации, одновременно становится барьером, исключая возможность подлинного диалога с теми, кто не владеет этим кодом. Но более глубокая патология заключается в том, что даже внутри группы взаимопонимание остается неполным и инструментальным. Речевой акт здесь всегда есть потенциально действие, несущее угрозу. Сказанное может быть использовано против говорящего, интерпретировано в контексте негласных правил, стать предметом «разбора» или «предъявы». Поэтому норматив-

ной становится практика умолчания, эзопова языка, ритуализированных формул, заменяющих живое высказывание.

Хабермас связывает возможность коммуникативного действия с наличием «жизненного мира», не проблематизируемого фона общих значений, традиций и практик. В тюрьме жизненный мир разрушен. Заключенные вырваны из привычного культурного контекста, их биографический опыт обесценен, а будущее неопределенно. В этих условиях единственным ресурсом для построения общего смыслового пространства оказывается сама тюремная субкультура, но она, будучи по происхождению защитной и компенсаторной, не может обеспечить подлинной интерсубъективности. Она создает лишь иллюзию общности, за которой скрывается все та же фундаментальная атомизация и взаимное отчуждение.

Тюремное сообщество как коллективный невроз. Сопоставление тюремной социальности с клинической картиной невроза требует методологической осторожности, но представляется эвристически продуктивным. Невроз, с психоаналитической точки зрения, представляет собой компромиссное образование, позволяющее индивиду совладать с невыносимым психическим напряжением ценой отказа от полноты существования и формирования устойчивых паттернов избегания. Симптом невротика одновременно выражает подавленное влечение и защиту от него.

Тюремное сообщество демонстрирует аналогичную структуру на социальном уровне. Жесткая иерархия, кастовые ограничения, ритуализированное общение, табу на эмоциональность, все это можно рассматривать как коллективные защитные механизмы, позволяющие группе выживать в условиях экстремального стресса и изоляции. «Понятия» выступают как система табу и предписаний, структурирующих реальность и снижающих тревогу перед лицом непредсказуемости. Однако, как и любой невротический симптом, эта система оплачена высокой ценой, в частности, утратой способности к подлинным человеческим отношениям.

Аномия по Дюркгейму – это состояние, при котором коллективное сознание утрачивает свою регулятивную силу, а индивид остается один на один со своими неограниченными желаниями, что порождает чувство бессмысленности и ведет к девиации. В тюрьме мы наблюдаем парадоксальное сочетание гипертрофированной нормативной регуляции (со стороны субкультуры) и глубочайшей аномии (в отношении общечеловеческих ценностей). Заключенный жестко детерминирован в своем поведении тысячами неписаных правил, но эти правила не имеют легитимности в

более широком социальном контексте и не обеспечивают подлинной интеграции личности. Они лишь структурируют внешнее поведение, оставляя внутренний мир в состоянии хаоса и фрагментации.

Коммуникативная патология, описанная Хабермасом как систематическое искажение коммуникации под воздействием властных отношений, достигает в тюрьме своих предельных форм. Здесь невозможен «идеальный речевой акт», ориентированный исключительно на достижение согласия, поскольку любой акт речи изначально вписан в контекст неравенства и потенциального насилия. Даже когда заключенные общаются между собой на равных (в рамках одной касты), их коммуникация несет на себе печать внутренней цензуры, сформированной страхом перед возможными последствиями. Подлинный диалог, предполагающий взаимное признание и открытость, замещается обменом ритуальными формулами.

Возвращаясь к концепции авторитарной личности, следует подчеркнуть, что тюремная среда не просто привлекает людей с определенным складом характера, но активно формирует этот склад у тех, кто вынужден в ней существовать. Авторитарный синдром здесь выступает как профессиональная деформация, как неизбежный результат длительного пребывания в условиях жесткой иерархии и перманентной угрозы. Цинизм, деструктивность, проекция враждебных намерений на окружающих – эти черты, описанные Адорно, становятся не просто индивидуальными особенностями, но элементами коллективной психологии, воспроизводящими себя в каждом новом поколении заключенных.

Заключение. Тюремное сообщество может быть адекватно понято лишь в междисциплинарном пространстве, на пересечении социологии, психологии и философии. Концептуальный аппарат, разработанный Дюркгеймом, Хабермасом и Адорно, позволяет увидеть за эмпирическими феноменами тюремной жизни глубинные структуры социальной патологии. Аномия, блокирование коммуникативного действия и авторитарный синдром выступают не как случайные сопутствующие явления, но как сущностные характеристики замкнутых групп, существующих в условиях изоляции и принуждения.

Жесткая стратификация тюремного социума, призванная преодолеть нормативную неопределенность, сама воспроизводит аномию на другом уровне, создавая неразрешимое противоречие между декларируемыми ценностями и реальными практиками. Коммуникация, лишенная ориентации на взаимопонимание, превращается в систему ритуалов и манипулятивных стратегий, закрепляющих взаимное отчуждение.

Авторитарные черты личности, будучи адаптивными в тюремной среде, консервируют эту среду, препятствуя любой возможности ее гуманизации [8; 9].

Понимание тюремного сообщества как коллективного невроза открывает перспективы для терапевтической интервенции, направленной не только на коррекцию индивидуального поведения, но и на трансформацию социальных структур, порождающих патологические защитные механизмы. Однако такая трансформация требует признания фундаментальной роли коммуникации в человеческой жизни и создания условий, при которых диалог становится возможным даже в условиях ограничения свободы.

Список литературы:

- [1] Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм; перевод с французского А. Б. Гофмана. – Москва: Канон, 1996. – 430, [1] с. – (История социологии в памятниках). – ISBN 978-5-88873-036-1.
- [2] Merton, R. K. Social Structure and Anomie / R. K. Merton // American Sociological Review. – 1938. – Vol. 3, No. 5. – P. 672–682. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2084686> (дата обращения: 24.02.2026).
- [3] Habermas, J. Weltbezüge und Rationalitätsaspekte des Handelns in vier soziologischen Handlungsbegriffen / J. Habermas // Theorie des kommunikativen Handelns : in 2 Bänden. Band 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung / J. Habermas. – 3. Auflage. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. – S. 114–151.
- [4] Адорно, Т. В. Исследование авторитарной личности / Теодор Адорно, Р. Неввит Сэнфорд, Эльза Френкель-Брюнсуик, Даниэл Дж. Левинсон. – Москва: Академия исследований культуры, 2001. – 411, [1] с. – ISBN 5-94396-020-1.
- [5] Александров, Ю. К. Очерки криминальной субкультуры / Ю. К. Александров. – Москва: [б. и.], 2001. – 76 с.
- [6] Пономарев, С. Б. Сущностное содержание тюремной субкультуры и пути противодействия ее распространению: монография / С. Б. Пономарев, Н. В. Румянцев; ФКУ НИИ ФСИН России. – Белгород: Эпицентр, 2020. – 94 с. – ISBN 978-5-6044649-4-6.
- [7] Сухов, А. Н. Преодоление деформации общения осужденных как фактор их ресоциализации / А. Н. Сухов // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 2 (20). – С. 121–125. – EDN TYSACKN.
- [8] Искандаров, Р. Р. Анализ субъективного опыта ограничения воли, автономии и выбора у лиц с психическими расстройствами и/или зависимостями в условиях лишения свободы / Р. Р. Искандаров // Право и управление. – 2025. – № 7. – С. 328–332. – EDN EQRFNA.
- [9] Искандаров, Р. Р. Суицидологическая уязвимость в пенитенциарной психиатрии: феноменология, философия и организация профилактики / Р. Р. Искандаров // Право и управление. – 2025. – № 8. – С. 218–221. – EDN AJXHVI.

References:

- [1] Durkheim, E. On the division of public labor/ Émile Durkheim; translation from French by A. B. Hoffmann. – Moscow: Canon, 1996. – 430, [1] p. – (History of sociology in monuments). – ISBN 978-5-88873-036-1.
- [2] Merton, R. K. Social Structure and Anomie / R. K. Merton // American Sociological Review. – 1938. – Vol. 3, No. 5. – P. 672–682. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2084686> (access date: 24.02.2026).
- [3] Habermas, J. Weltbezüge und Rationalitätsaspekte des Handelns in vier soziologischen Handlungsbegriffen / J. Habermas // Theorie des kommunikativen Handelns : in 2 Bänden. Band 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung / J. Habermas. – 3. Auflage. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. – S. 114–151.
- [4] Adorno, T. W. Research on authoritarian personality/Theodore Adorno, R. Nevvitt Sanford, Elsa Frenkel-Brunswick, Daniel J. Levinson. – Moscow: Academy of Cultural Studies, 2001. – 411, [1] p. – ISBN 5-94396-020-1.
- [5] Alexandrov, Yu. K. Essays on the criminal subculture/Yu. K. Alexandrov. – Moscow: [b. and.], 2001. – 76 s.
- [6] Ponomarev, S. B. Essential content of the prison subculture and ways to counter its spread: monograph/S. B. Ponomarev, N. V. Rumyantsev; PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – Belgorod: Epicenter, 2020. – 94 p. – ISBN 978-5-6044649-4-6.
- [7] Sukhov, A. N. Overcoming the deformation of communication of convicts as a factor in their re-socialization/A. N. Sukhov//Criminal enforcement law. – 2015. – № 2 (20). – S. 121–125. – EDN TYSACKN.
- [8] Iskandarov, R. R. Analysis of the subjective experience of limiting will, autonomy and choice in persons with mental disorders and/or addictions in prison/R. R. Iskandarov//Law and management. – 2025. – № 7. – S. 328–332. – EDN EQRFNA.
- [9] Iskandarov, R. R. Suicidological vulnerability in penitentiary psychiatry: phenomenology, philosophy and organization of prevention/R. R. Iskandarov//Law and management. – 2025. – № 8. – S. 218–221. – EDN AJXHVI.